

Владимир Петровский

РЕДКО ЛОШАДИ ПЛАЧУТ

повести и рассказы

Владимир Петровский
Редко лошади плачут.
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Петровский В.

Редко лошади плачут. Повести и рассказы / В. Петровский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834554-8

Повести и рассказы о конном спорте, лошадях, трудностях и романтике профессии жокея. Автор, бывший жокей, с большой любовью и профессиональным знанием дела описывает будни жокейской работы, подчас, полные опасных и непредсказуемых ситуаций, заслуженных побед и несбывшихся надежд.

ISBN 978-5-44-834554-8

© Петровский В.
© Издательские решения

Содержание

Жокеи, народ классный...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Редко лошади плачут
Повести и рассказы
Владимир Петровский

© Владимир Петровский, 2017

ISBN 978-5-4483-4554-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жокеи, народ классный...

повесть

1

Водитель гнал красный «Икарус» по узкому шоссе как на гонках. Пассажиров было немного, в основном старухи, везущие с собой большие мешки и обмотанные с головы до ног не то серыми, не то коричневыми теплыми платками. Наступало позднее зимнее утро, светлела за окном автобуса заснеженная до горизонта степь, мелькали телеграфные столбы; я смотрел на это серое пространство и думал, что хорошо бы пока уснуть: в Воздвиженки мы прибывали только часа через два.

Но не спалось. Бормотали старухи в полутемном салоне, бесшумно уносились назад столбы и сугробы... Я даже толком не знал, куда там идти, в этих Воздвиженках. Ожидание, нетерпение, надежды – все это было вчера, в поезде. Теперь дороги оставалось около двух часов. Скоро выяснится, был ли хоть какой-то смысл затевать эту поездку... И там ли Пашка Алексеев? С него ведь, собственно, все и началось.

Пашка ушел из нашей спортшколы года полтора назад. Это было вовремя сделано, потому что и тренеры, и вся наша администрация терпели его с трудом: Пашка оказался слишком ненадежным работником. Да еще и пил – так, что об этом все знали, а значит, его бы все равно скоро выгнали. Продержался он у нас какое-то время только потому, что не выступал, а лишь готовил молодых лошадей; на них прыгали потом другие, за Пашкой же закрепляли недавно купленных трехлеток, и он начинал все сначала. Когда он уехал, ему было почти тридцать – вполне достаточно для того, чтобы считаться неудачником, и много, слишком много для кандидата в мастера. А в то, что Пашка когда-нибудь станет мастером, не верил никто.

Этой осенью он появился в Москве на два дня. Мой буденовский Загон сильно сдал к этому времени, а последний месяц хромал почти непрерывно; сказались годы в спорте. Я шагал его в поводу, злился, приставал к ветеринару, – но что тот мог сделать? С тренером я старался не говорить. Если бы он захотел, я уже давно тренировался бы на каком-нибудь подходящем жеребце, какие были в нашей конюшне, но тренер держал меня на Загоне, и, значит, откровенный разговор мог сложиться для меня неудачно. Я чувствовал, что это – все; что молодого коня для меня не будет, и надо или уходить в другой клуб, или смириться с тем, что мне уже двадцать семь, что звезд с неба я никогда не хватал, что молодые наши спортсмены поудачливее, да и посильнее меня, а значит, пора в тень – готовить лошадей для других, как раньше Пашка, или еще что делать, – что тренер скажет. Мириться с этим, конечно, не хотелось. Это мы еще посмотрим, думал я, когда бывал в хорошем настроении. Но чаще настроение оставалось плохим. И тогда загадывать, что будет дальше, я просто не мог.

– Ну и как твои дела? – спросил меня Пашка.

Мы встретились с ним в манеже ипподрома и сели поговорить на трибуне. От него уже крепко тянуло пивом, значит, привычкам своим Пашка не изменял.

– Плохо, – сказал я. – Загон кончился, молодого нет... Чего уж хуже.

– И тебя прижали... – Пашка удивился, помолчал. – Но ты же мастер, Жень.

– Неподтвержденный. А подтвердить не на ком. Да и мастеров-то вон, полна конюшня.

Вверху, под сводами манежа орали воробьи, невидимые за пыльными лучами солнца, мягко топали лошади по опилкам – привычные звуки, от которых совсем не хотелось уходить... Но у меня было как-раз плохое настроение.

– Ухожу я оттуда, Пашка, – сказал я с досадой.

– Точно? – спросил он.

– Да.

Я, конечно, не был уверен, что уйду, но сейчас было спокойнее считать так. А Пашка неожиданно обрадовался:

– Правильно, ну их. Ты к нам перебирайся. У нас условия – ну...

– Куда это «к вам»? – перебил я.

– В Воздвиженки, я ж там теперь...

– Воздвиженки!.. – я немного знал про этот конзавод. – Но там же, вроде, рысаки?

– Какие рысаки! – загорячился Пашка. – Их уж давно в Польше на тракенов обменяли.

Там тракены теперь, понял?..Ну, еще немного тяжеловозов, но у них свое отделение.

Он стал рассказывать и убеждать. Я его слушал, но всерьез об этой поездке и думать было нечего: конзавод в Поволжье, а мне вовсе не хотелось уезжать из Москвы, даже на самые лучшие условия. Кроме того, я уже был наслышан про работу в заводах, где могут отдать тебе любого коня, самого лучшего, для спорта, а потом так же легко продать его первому покупателю.

– Конзавод живет продажей лошадей, Пашка, – назидательно сказал я ему. – Такие, как мы, нужны им, чтобы молодняк к аукционам готовить. Это тебе не спортшкола.

– Хе!.. – Пашка усмехнулся, покачал головой. – Я там работаю, а ты мне объяснять будешь.

Мы помолчали. В манеже рысила по кругу цепочка всадников, лошади глухо топали, звякали уздечками.

– Кем работаешь-то? – спросил я.

– Жокеем. Ты пойми, Жень... – Он пододвинулся поближе. – Они на скачки лошадей не посылают, только разговоры пока идут об этом. У нас там конкурная группа, спортивная. Все как здесь, в Москве. Только в твоём распоряжении весь завод, любого коня можешь себе взять.

– Ну и ты взял?

– Взял, а как же. Тополь, от Подарка. Прыжок у него – эх, Жень... Тут таких нет.

– Да что ты мне свои Воздвиженки рекламируешь! – Я даже разозлился: знаем мы эти разговоры. – Продадут твоего Тополя, когда покупатель найдется, тогда будет тебе прыжок.

– Не-ет, – заулыбался Пашка. – Тополя не продадут. Ему семь лет уже, кто его, старого, купит?.. – Он полез в карман, встал, достал сигареты. – Пойдем, покурим?

– А ты серьезно, Жень, давай к нам, – продолжал он, когда мы пробирались к выходу. – Ты ж конник. Тебе без коня что?.. А Толмач все устроит как надо, денежку выпишет хорошую.

– И Толмач у вас? – удивился я.

Мы вышли на улицу.

– У нас, а как же... Старший тренер. – Пашка протянул мне пачку «Примы», мы закурили. Ковыляет потихоньку...

Он затаился, посмотрел по сторонам, спросил:

– Ну что, по пиву?

– Не могу сейчас, – сказал я.

– Ну тогда давай. – Он протянул руку. – Я тебе позвоню. Вечером.

И мы пошли в разные стороны.

Возле метро я должен был дожждаться Ирину. Мы встречались уже третий год, она знала и Пашку, и Загона, и все мои неприятности, и была, пожалуй, единственным человеком, которого мои неудачи вполне устраивали: она упорно не считала спорт стоящим занятием и откровенно ждала, когда я брошу лошадей и займусь, наконец, делом. Точнее, тем, что она считала делом. На этом мы с ней обычно ссорились.

Ирины еще не было. Я купил сигареты, прошелся вдоль цепочки исцарапанных телефонных будок, закурил. Вот ведь какие дела – Толмач тоже там, в конзаводе. Хотя для него-то, как раз, это нормально. Куда его только не носило...

Моего первого тренера Алексея Петровича Толмачева за глаза звали Толмачем, и под этим прозвищем он был известен почти по всей стране. Только известен не из-за своих больших способностей. Он как раз считался плохим тренером, но не было, наверно, такой спортшколы, где бы он не работал. Из-за старой травмы он выглядел намного старше своих шестидесяти двух лет, ходил сутулясь, согнувшись почти пополам и качаясь, как в шторм. Оступаясь, спотыкаясь и разводя руки для устойчивости, узнаваемый всеми за километр, он появлялся то в одном, то в другом городе, тренировал юношеские группы, но везде не ладил с начальством и уходил. Его подросших учеников выводили в спорт другие, а он все перебирался с места на место и не знал покоя.

Он не мог бросить дело, которое тянуло его как магнит, а работать мешал возраст. Работа тренера, часто требовавшая хотя бы простой подвижности, была ему уже не по плечу; у Толмача не было образования, чтобы занять спокойное административное место при спорте, у него был только большой опыт, который и не давал ему сидеть дома. Его держали на работе, рассчитывая иногда как раз на этот опыт, иногда он попадал к какому-нибудь бывшему своему ученику, который просто не мог ему отказать, но с должностью Толмач не справлялся, и долго его вытерпеть нигде не могли. Как память о нем, в спортшколах после его ухода оставались очень способные молодые лошади, и это было единственным и признанным преимуществом Толмача перед всеми: он видел коня. По каким-то известным ему одному признакам, а может, по интуиции он при покупке лошадей безошибочно указывал на самых перспективных, и повторить этот номер не мог никто.

Мои с Толмачом отношения были неплохими. В Москве жила его жена, и когда он изредка появлялся дома, отдыхая от очередной своей экспедиции и готовясь к следующей, я его навещал.

В тот день я ждал у метро очень долго. Дул въедливый, осенний ветер, от которого некуда было деться: он дул отовсюду. Я замерз, настроение стало еще хуже. Когда пришла, наконец, Ирина, мы поссорились – тут же, у метро, – и, вместо того, чтобы уехать куда-нибудь вместе, поехали по домам.

Вечером позвонил Пашка, сказал, что уезжает. Мы попрощались, и я о нем сразу забыл.

Мой решительный разговор с тренером вскоре все же состоялся. Я оставил в кадрах заявление об уходе, показал еще раз Загона ветеринару – уже просто по привычке, – и потом болтался полдня по улицам, не зная, что делать дальше.

И вот однажды среди ночи мне позвонил Толмач. Это было недели через две после Пашкиного отъезда. Телефон гремел в коридоре почти непрерывно: междугородняя. Соседям моим звонили редко, поэтому к телефону всегда подходил я.

– Женечка?.. Это Алексей Петрович говорит.

Как будто его было не узнать... Голос Толмача дребезжал так, что трубка, казалось, рассыплется..

– Добрый вечер, – сказал я сонным голосом.

– Извини, Женечка, что поздно звоню, – дребезжал Толмач. – Тут раньше разговора не давали. Ну, как дела?.. А я все уладил, приезжай, Женечка. Оформим тебя жокеем, оклад сто восемнадцать. Тут хватает, вполне... Конь для тебя есть, я подобрал уже. И какой конь, Женечка... – Он даже поцокал языком. – Приезжай, сам увидишь.

– Какой конь? – спросил я растерянно.

Я уже понял в чем дело, но не знал, что отвечать. Это была, конечно, Пашкина работа.

– Ну, вообще-то здесь тракены, – продолжал объяснять Толмач. – Но этот от чистокровного жеребца, внук Редженси.

Ну конечно, подумал я. Это была самая большая Толмачева слабость – потомство Редженси. Он почему-то свято верил в этого жеребца и ухитрялся отыскивать его потомков повсюду.

Но надо было что-то отвечать, а я никак не решался. Пока Толмач описывал мне воздвиженские условия и объяснял, как туда доехать, я размышлял, стоит ли сразу отказываться. Можно поехать и посмотреть, не насовсем же Толмач меня туда зовет... Я ведь все равно увольнялся. Да и этот внук Редженси выглядел довольно заманчиво: Толмач не станет расхваливать никчемного коня, уж это я знал точно.

И я согласился, хотя про себя подумал, что утро вечера мудренее. Спросонья такие вопросы не решают.

– Ну, значит, дней через десять ждем тебя, Женечка, – заключил Толмач и повесил трубку.

Через неделю раздумий и безденежья я решил: еду. Зашел домой к матери, немного с ней поспорил и убедил, что ехать надо. Потом объявил обо всем Ирине. С ней, конечно, было сложнее. Я долго слушал про мои преклонные двадцать семь, про спорт, который, как известно, удел только молодых, про то, что она не собирается сидеть тут и ждать меня как дура...

– Как дура не жди, конечно, – сказал я, наконец разозлившись. – Зачем мне нужно, чтобы меня ждала дура...

Она обиделась и сразу успокоилась. Мы расстались, как говорится, друзьями, но только до поезда. К поезду она пришла мириться, и мы опять поссорились – уже надолго, потому что поезд тронулся и я заскочил в вагон, не успев сказать ей ничего хорошего.

Она стояла на перроне и смотрела вслед, – все это, наверно, было похоже на тысячи подобных расставаний, но от этого не становилось веселей. Так я и уехал. Вечерний перрон, неподвижно стоящая Ирина, – и еще проводница с флажками, которая прогнала меня из тамбура. И я полез на свою полку предаваться сомнениям и смотреть в окно – что еще делать в дороге...

2

Автобус остановился, развернувшись перед голубым домиком автостанции. Старухи тащили свои мешки наружу; я подождал, пока они вышли, спрыгнул на удивительно чистый снег и отправился разыскивать конзавод. Было морозно и я торопился, насвистывая песни о замерзшем где-то здесь поблизости ямщике. На мои вопросы все показывали вперед: дальше, дальше, – и я прошел изогнувшуюся среди дымящих, как паровозы, изб улицу, потом долго шагал по вылизанной ветром скользкой белой дороге – и увидел, наконец, высокий забор с аркой, на которой дугой выгнулась надпись «Воздвиженский конный завод». На арке были нарисованы еще две огромные лошадиные морды, которые придали мне настроения, и я бодро прошел мимо будки сторожа к двухэтажному каменному зданию, где, очевидно, помещалась контора.

Я приблизительно знал Толмачеву манеру работать. Сейчас как раз начало рабочего дня, значит, он сидит где-нибудь в конторе и беседует о том – о сем с достойным, на его взгляд, человеком. Это, конечно, не значило, что он вообще не занимается делами. Просто Пашка говорил мне, что спортгруппа у них начинает работать в три часа, и я был уверен, что до трех Толмач в конюшне не покажется: старик наверняка не решается вмешиваться в беспокойную жокейскую работу.

В конторе было тихо и пахло опилками.

– Где тут у вас начкон? – спросил я у проходившей мимо женщины. Начкон должен быть в Толмачевом представлении достойней всех.

– Наверху, – сказала она.

Я поднялся по широкой лестнице. В конце второго этажа сидел возле окна лохматый черноволосый парень в телогрейке и кирзовых сапогах, облепленных соломой. Этот свой, с конюшни, подумал я и спросил:

– Где начкон?

Парень мотнул головой: там, дескать, – и, пристально посмотрев на меня, спросил:

– Из Москвы?

– А что, заметно?

Он поднялся из кресла и, подойдя ко мне, протянул руку:

– Толик. Нам Толмач все уши прожужжал. Приедет, говорит, мастер из Москвы... Ты ведь Малышев?

– Малышев.

– Ну вот... Я кандидат, еще тут два перворазрядника есть, в общем – команда будет теперь.

– Сделаем, а как же без команды, – сказал я. – А Толмач у начкона?

– Та-ам, – протянул Толик, направляясь снова к креслу. – Уже час сидят, ля-ля разводят...

Толмач ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Сутулясь, блеснул хитрым глазом исподлобья:

– А-а, Женечка... – Неуклюже встал со стула, представил меня:

– Это вот тот самый спортсмен, которого мы ждем.

Эта фраза звучала бы здорово, не будь она сказана в Воздвиженках. Серьезный и строгий, под стать своему серому костюму, начкон протянул мне руку.

– Очень хорошо, – сказал он, обращаясь к нам обоим. – Идите к директору, в отдел кадров. И работайте.

Директор, здоровенный голосистый мужик, отнесся ко мне с подозрением:

– Удрал?... Из Москвы-то, а?..

Толмач молчал, я тоже не стал спорить.

– Так, – звучно говорил директор, листая мою трудовую книжку, – сейчас посмотрим... Угу... Угу... Что же ты из Москвы-то удрал?

Толмач показывал ладонью: ничего, ничего, Женечка, все образуется. И действительно, директор не нашел в моих бумагах ничего подозрительного, подписал заявление не очень, как мне показалось, охотно, – потом посмотрел на меня, словно прокурор на обвиняемого.

– Ну, – сказал он, – теперь увидим, что ты за работник. И почему из Москвы удрал.

Мы были в кадрах, в бухгалтерии, у зоотехников; Толмач водил меня по конторе, как экскурсовод, все показывая и со всеми знакомя, а потом отвел меня к избе, в которой он, оказывается, уже снял для меня комнату.

Хозяйку звали тетя Настя. Это была маленькая суетливая старушонка, которая сразу же выложила мне свои условия, и я со всем согласился. Комната мне понравилась. Тут было чисто, была кровать и печка, и еще шкаф в углу, и всякие табуреточки, ящички, фотографии на стенах, и на всем висели или лежали белые кружевные салфетки. Посреди комнаты стоял стол. Я положил на него чемодан, который целый день таскал в руках по конторе, и хозяйка неодобрительно сказала:

– Ай!.. Чемодан-то грязный.

Она заглянула мне в лицо, погрозила строго пальцем:

– Ты смотри!.. Ты сюда девок не води, да.. Тут девки и-их какие! Ох, караул, – схватилась она за бок, но тут же снова подняла палец. – И жокеев тоже не води. А то был тут один... Што

ни день, то сидят, бражничают. А бражка-то вон она, вона, у печки, но ты на нее не наседай, да... Ты кружечку-то черпни – и хватит, да...

– Да он не пьет, Настя, он парень тихий, – засмеялся Толмач, хитро исподлобья смотря то на меня, то на хозяйку. – И не за девками он сюда приехал.

– Ну я не знаю, зачем приехал, сказала хозяйка уже добрее. – А только как засядут за стол – ну караул!.. И девки тоже...

Толмач ушел.

Я посидел немного на кровати, потом походил по комнате. Завтра надо будет начинать работу. Как-то она сложится?.. И что за коня подобрал мне Толмач?

Неожиданно с грустью вспомнилась Ирина. Темный перрон, прожектор над линией, желтые пятна электричек... Казалось, что это было очень давно, а ведь прошел всего один день.

Я достал из чемодана каску и повесил ее на гвоздь в стене. Ничего, подумал я. Напишу ей письмо. Вот только разберусь, что тут к чему.

На улице шел сухой легкий снег. Мне нужно было зайти еще в сельсовет, и я спешил, потому что уже вечерело. За спиной затопали, я обернулся – это был гнедой рысак, запряженный в легкие двухместные сани. В санях сидел Толик, с которым я говорил в конторе.

– В село? – закричал он. – Садись, поедем!

Я заскочил на ходу, и Толик, чмокнув, пустил рысака пошире.

– Выездной, – объяснил он. – Один рысак на весь завод остался. Остальных на тракенов сменяли... Ну и правильно сделали, что сменяли, да? – Он усмехнулся. – А то на ком бы нам выступать.

– Ты сам-то местный? – спросил я.

– Какой местный... У нас двое только местных – Кабан да Шурка. Кабан – это фамилия такая, его Володькой звать, а Шурка – сам увидишь... Балбес один. Это все так, не конники. У Кабана первый разряд, правда, но все равно, не конник он, душой чую. Тут ведь молодежи-то мало, уезжают все. Местных на конзавод веревкой не затянешь. Они ж тут выросли, им что поинтересней подавай. Ну и приглашают со стороны. Ты вот приехал, я, Павлуха – уже трое...

– А где Пашка-то? – я вдруг сообразил, что еще его не видел.

– Да он ведь лопает... – пожал плечами Толик. – Меры никакой не знает. Начудил тут недавно, его теперь конюхом на племенную конюшню отправили... Не насовсем, на месяц. Исправляют...

Мы обгоняли медленно ползущий по скользкой дороге грузовик. Сани были низкие и грузовик рычал прямо над ними, обдавая гарью. Рысак изо всех сил молотил копытами, стараясь поскорей убежать вперед.

– А ты откуда приехал? – спросил я, решив, что все равно позже увижу Пашку и тогда все узнаю.

– Я-то? – Толик поморщился и сплюнул под колеса грузовику. – Во копит... Я много где работал. Все приключений ищешь на свой собственный зад. А чего надо-то? Двух лошадей – и все. Даже одну. И выступать чтоб дали. Ну да сам знаешь... – Он замолчал, прижимая рысака к обочине: навстречу шла серая «Волга». – Разъездились тут... Так нет же, пойдись найди их, лошадей. Там обещают, тут обещают, а как подготовишь коня – отдают его другому, или вообще продают... Да сам ведь знаешь, тоже не от хорошей жизни сюда... Я прошлый год в Туркмении проработал, так там то же самое. Я ведь скакать не гожусь, почти семьдесят вешу. В Латвии был, на Украине работал... Где что, а суть одна, мотаешься вот так... Здесь-то я уж второй раз. – Толик усмехнулся, замолчал, заворачивая за двухэтажный дом на площади, и натянул вожжи. – Стой, леший!.. Приехали. Вон он, сельсовет.

Три часа, спортгруппа.

Мы втроем – Толик, я и Шурка – шагали верхом возле левады, обнесенной забором из металлических труб, в которой занимались остальные наши спортсмены – школьники, приходившие сюда каждый день. Толмачу, конечно, было бы удобнее объединить всех вместе, но за работу в конюшне, за порядок приходилось отвечать только жокеям, поэтому и повелось это разделение на тренировках: мы поддерживали авторитет даже в таких мелочах. Выезжали все одновременно, но со школьниками в леваде занимался только Толмач, а мы тренировались в сторонке, правда, тоже у него на глазах. Хотя, как я заметил, среди школьников были очень способные ребята – уж, во всяком случае, лучше нашего бестолкового Шурки, который поглядывал на них свысока. Он числился помощником жокея. Это был губастый двадцатилетний парень, которого тут держали, очевидно, за неимением лучшего: недоразумений с ним было слишком много для нашей работы. Сейчас он шагал рядом со мной на невысоком спокойном жеребце, который плохо прыгал, не был хорош экстерьером, и потому никуда не годился. Этот конь был закреплен за Шуркой как спортивный.

В леваде покривал Толмач.

– Разобрали повод, ребятки... Р-рысью... Марш!..

Он стоял у ограды, сутулясь и исподлобья следя за группой.

– На Тополе!.. На Тополе, Миша!.. – крикнул он опять. – Шевели его, шевели, не давай спать!..

В леваде был и тот самый Тополь, о котором еще в Москве говорил мне Пашка. Жеребец был действительно неплохой, только сидел на нем сейчас не Пашка, а очень легкий, небольшого роста паренек – Миша Рябов, который разминал Тополя с наименьшим, по мнению Толмача, ущербом для коня. А с Пашкой перед самым моим приездом произошла очередная неприятность, из тех, что он периодически навлекал на свою голову.

Против него с самого начала копилось молчаливое раздражение. Получив в работу Тополя, Пашка стал использовать коня для выездов в село, прогулок, на других лошадей вообще не садился. Техники у него от этого не прибавилось, а Тополь стал терять форму. Да и на тренировках Пашка вел себя довольно бестолково, но обычно ворчливый и придиричивый во всем, что касалось спорта, Толмач, к общему изумлению, упорно не обращал на это внимания. И вот в конзавод то ли на практику, то ли еще зачем-то приехали две студентки сельскохозяйственного техникума. Пашка с Толиком не могли, конечно, оставить этот факт без внимания. Накануне отъезда студенток состоялась вечеринка – в заводском общежитии, в комнате, где они останавливались. Поначалу все было тихо, но потом Пашка, изображавший из себя здешнего хозяина, уговорил одну из девушек идти в конюшню, посмотреть лошадей. Он заходил в денники, хлопал лошадей по шеям; вскидывая руки, заставлял подниматься на дыбы... Все бы обошлось, закрывая он аккуратнее двери денников. Но одна кобылка, когда Пашка повел студентку в другую конюшню, оказалась в коридоре. Она отправилась бродить, обнюхивая стены, и забрела в крыло, где стояли жеребцы, молодые, полные дурости и силы – и тогда весь завод содрогнулся от рева и грохота: жеребцы кидались на решетки, били копытами в стены, чувствуя рядом соперников и выражая свой активный интерес к неожиданной гостье. Пашка примчался туда первый и загнал на место кобылу, но навести порядок не смог. Поломанные перегородки денников, шерсть на решетках, разбитые в кровь ноги – все эти последствия ночного скандала были обнаружены наутро, но самое главное, что среди травмированных жеребцов оказалось пять уже проданных и ожидающих отправки.

Пашка был переведен на месяц в конюхи, да еще без права езды – на этом настоял взбунтовавшийся вдруг Толмач. «Никакой культуры в человеке! – сердился он, когда я спрашивал о Пашке. – А мог бы быть хорошим спортсменом... Пусть, пусть образумится». Он, к моему удивлению, считал Пашку толковым всадником. Что ж, думал я, наверно, Толмачу виднее...

Оказавшись в конюхах, Пашка запил. На работе он бывал теперь не каждый день, да и работал не в нашей конюшне, поэтому я еще толком и не видел его здесь, в Воздвиженках. На его Тополе сидел пока Миша Рябов, а Толмач не мог решить, кому же отдать коня в настоящую работу. Этот Миша, неопытный паренек, конечно, не годился выступать на одном из лучших наших жеребцов; сомневался, видно, Толмач и в скором Пашкином исправлении и тянул время, не зная, что решить. Шурку спортсменом здесь не числили, в Толика Толмач почему-то не верил, считая его слабым всадником, у Кабана, нашего бригадира, перед моим приездом родила жена, и поэтому в конюшне он еще не показывался, выпросив у директора десять дней отпуска. Да и вообще домашние дела были для Кабана, как видно, гораздо важнее самого лучшего жеребца. Среди школьников было несколько подходящих ребят, но Толмач и на них не рассчитывал: учеба, каникулы, десятый класс... Он, видно, надеялся вывести кого-то на этом коне в настоящий спорт, поэтому школьники тут не совсем годились. А у меня уже был жеребец, о котором Толмач говорил по телефону, и жеребец этот был, во всяком случае, ничуть не хуже Тополя.

В первый же день, когда я вышел на работу, Толик – Толмач в это время беседовал с начальником – подвел меня в конюшне к денникам спортивных лошадей и ткнул пальцем:

– Вот, Рефлекс. Толмач просил показать тебе.

Я открыл дверь денника. Высокий вороной жеребец переминался на месте, кося на меня блестящим глазом.

– Он от чистокровного жеребца, я слышал?

– Да, от Форума... – Толик вздохнул. – Я его себе хотел взять, да Толмач не дает. Радуйся: жеребец – класс...

Я вошел в денник. Сначала Рефлекс показался мне очень высоким, но, когда я приблизился к нему, оказалось, что рост как раз по мне, сантиметров сто семьдесят в холке. Жеребец вздрогнул, когда я похлопал его по шее, и осторожно повернул ко мне голову.

– Сколько ему?

– Шесть лет. – Толик опять вздохнул. – Ну, пошли... Посмотришь конюшню.

Мы решили дожидаться Кабана, сидевшего пока дома с женой и ребенком, и только тогда приступить к работе всерьез. А пока дел было мало. Приходили в конюшню часам к десяти, разминали под седлом молодых лошадей, а после обеда, в три часа собиралась спортгруппа – и все.

– Теперь нас хоть трое будет, заездка быстрее пойдет, – говорил с некоторым облегчением Толик. – А то с этим Шуркой одни неприятности... Вот только пусть Кабан выйдет.

– Миша!.. – кричал Толмач. – Миша, на Тополе!.. – Правый повод, правый!.. Вот, вот, хорошо...

Я подъехал к леваде.

– Алексей Петрович!.. Сегодня не прыгаю, ладно? Рано еще коня нагружать.

– Как хочешь, Женечка, как хочешь, – закивал Толмач. – Смотри сам.

Рефлекс долго стоял без работы перед моим приездом, поэтому я не решался давать ему сразу нагрузку. Но, хотя я пока сделал на нем лишь несколько несложных пробных прыжков, мне казалось, что Толмач и на этот раз не ошибся; конь был что надо. Но посмотрим, посмотрим еще, думал я суеверно, что ж загадывать.

Пошагав еще полчаса, я завел Рефлекса в денник, расседлал, растер ему бока соломенным жгутом: на улице был мороз. Потом взял седло с уздечкой и не спеша пошел в каптерку.

Тренировка заканчивалась, некоторые ребята водили лошадей в поводу, а Толмача уже нигде не было видно: он не любил подолгу задерживаться в конюшне.

В каптерке были Толик и Шурка, тоже расседлавшие своих лошадей. Толик сидел, греясь у титана, а Шурка возился с массивным навесным замком на двери в жокейскую, где хранилось снаряжение.

– Что, заел? – спросил я, кладя седло на пол. – А это кто написал?

На стене возле титана была жирная надпись мелом «Толмач дурак».

– Шнурки, – сказал Толик. – Спортсмены эти... Только и пользы от них, что на стенах пишут. Стирать замучаешься.

Шурка, стуча и пыхтя, старался открыть замок.

– Что, не любят они Толмача?

Толик пренебрежительно улыбнулся.

– А чего его любить? Разве это тренер? На ногах еле стоит... Вот до него тут был парень. Молодой, сам и выступал и их тренировал. Этого они уважали.

– А где он?

– Посадили. Один шнурок, из этих вот, к нему пристал – дай, говорит, на заездку сесть. Ну, он и разрешил. А это ведь только жокеям можно. Шнурок и искалечился... Вот так. Нарушение техники безопасности, – сказал Толик и встал. – Так его и посадили... Ну, что ты застрял? – спросил он у Шурки.

– Сейчас, ага, – пробормотал тот, поднатужился, и ключ, громко щелкнув, обломился.

Ну, Шурик... Отодвинься. – Толик подошел к двери и с размаху ударил сапогом по замку. Металлическая петля отлетела, выломав желтую щепку, которая ткнула Шурку в лоб. – Это чтоб ключи не ломал.

Мы вошли в жокейскую, повесили седла на кронштейны и сели возле стола, занимавшего почти половину маленькой комнаты.

– Будешь? – Толик достал из ящика наполовину пустую бутылку водки. Пить не хотелось, но он уже выставил на стол стаканы и я махнул рукой:

– Давай... За знакомство.

В каптерке вдруг громко затопали; Толик схватил со стула телогрейку и накрыл стаканы. В жокейскую ввалились с седлами и уздечками ребята из спортгруппы.

– Ну-ка, быстро! – заговорил неожиданно Шурка. Он заметно приободрился, когда Толик достал третий стакан, и теперь грозно командовал: – Двигайтесь, шнурки! Кладите седла – и домой, ага.

– Чего домой... – затянул кто-то из ребят. – Мы не спешим.

– Я ч-че сказал? – Шурка встал со стула. – А то враз вылетишь отсюда! И не залетишь больше, ага.

Ребята переглянулись и вышли.

– Ну, Шура, тебе немножко, – сказал Толик, разливая водку. – А то ты всех спортсменов наших повыгоняешь.

Шурка надул губы и одним духом опрокинул стакан.

– Вот дурень... На, закуси.

Толик вытащил из кармана бумажный сверток и вытряхнул на стол несколько котлет.

– Из конины, – сказал он. – Недавно жеребенка забили. Ногу сломал. Вот я хозяйке конинку и принес. Лучше всякой говядины мясо.

Мы выпили, закурили.

– Ну ч-че – домой пойдём? – спросил Шурка. – Кабана-то нет.

– А я заходил к нему вчера, – сказал Толик, убирая пустую бутылку в стол. – Сидит, нянчит своего кабанчика... Говорит, дня через два – три будет.

Он встал, потянулся, подошел к кронштейну с седлами и сильно потерялся о него спиной.

– Чешется, черт... Пошли, действительно, чего тут высидивать. Вот придет Кабан – начнем заездку, мучение наше.

На улице Шурка куда-то свернул, а мы с Толиком пошли в сторону конторы через широкий, продуваемый ветром заводской двор. Его образовывали замкнутые в каре длинные конюшни, на территории двора находились четыре левады, в которые выпускали на прогулку лошадей, и одна из этих левад была наша, верхового отделения. Стояло у нас восемьдесят лошадей, но только пятнадцать считались спортивными. Остальные предназначались для продажи, и мы должны были хоть как-то их разминать, поэтому с утра конюхи выгоняли кобыл в леваду, и Шурка, с метлой в руках, крича «цоб-цобэ», гонял табун по кругу: втроем мы не смогли бы, конечно, тренировать такую массу лошадей под седлом. Потом то же самое проделывали с жеребцами, и лишь на нескольких из них мы садились верхом.

В остальных левадах тоже постоянно находились лошади – кобылы с жеребятами, молодежь из отъемной конюшни, а в самую отдаленную выпускали поодиночке драчливых производителей.

Сейчас мело, лошади стояли, образовав очереди у выходов из левад, отвернувшись от ветра. В их хвосты и гривы набился снег, и от этого они казались седыми.

– Домой хотят, – сказал Толик.

Мы вышли на аллею, усаженную липами, которая вела к конторе.

– А ты сам – то откуда? – спросил я.

– Да много где был, я ж говорил тебе.

– Ну, а вообще?

– Черт его знает, – неохотно ответил Толик. – Родился в Карелии, а потом – так... много где был

Мы молча прошли по укатанной белой дороге мимо ветеринарного лазарета, мимо длинного барака, где жили некоторые из конюхов, и вышли к конторе.

– Ты вечером что делаешь? – спросил Толик, остановившись.

Я пожал плечами. В первые дни я написал письма матери, Ирине, потом сидел возле печки, смотрел в огонь и слушал радио.

– А что тут можно вечером делать?

– Пошли, – кивнул Толик и направился к конторе. – Отдохнем немножко.

Он зашел в какую-то комнату на первом этаже, а я прошелся по холлу. На стенах были нарисованы лошади – бегающие, прыгающие, даже плавающие... Мне кто-то уже сказал, что это Толмач привез сюда однажды художника, который и разрисовал весь конзавод.

Толик подошел ко мне не один.

– Вот это – Лена, – сказал он важно. – А это – Женя.

Я сначала даже растерялся, потому что еще не видел, чтобы в Воздвиженках кто-нибудь красился, а Лена была раскрашена, как плакат. У нее было широкое, очень детское лицо и полная фигура взрослой женщины.

– Очень приятно, – сказал я.

Она на меня посмотрела так многозначительно и глупо, что мне стало скучно и совсем расхотелось связываться с Толиком, но отказываться было уже поздно.

– Ну что, Леночка! – Толик потер ладони. – Приглашай нас в гости, да и пойдем.

– А работа как же, Толянчик? – Она снова кокетливо на меня посмотрела.

– Какая еще работа... Ну, давай, – собирай манатки и пошли. Давай, давай, – Толик подтолкнул ее к комнате и, обернувшись, подмигнул мне очень хитро.

Ничего неожиданного у Лены дома не произошло. Она поставила на стол две бутылки с какой-то красно-бурой отравой, и мы пили, играли в карты, ходили еще в магазин; Толик веселился, а я скис. В голову полезли невеселые мысли, и я не пытался их отогнать. Ну под-

готовлю я Рефлекса, думал я, а потом? Надо ведь как-то заполучить его в Москву, не век же здесь сидеть... Да и в Москве может быть все, хотя бы травма – и нет коня.

Толик с Леной о чем-то разговаривали, а я вел себя гнусно: пил и молчал. Лена вначале посматривала на меня довольно игриво, но я никак не отвечал, и она полностью перенесла внимание на Толика. Не то чтобы я собирался ограничивать себя здесь только работой, просто беспокойно было на душе.

Поздно вечером пришла хозяйка. Лена оказалась тоже приезжей и снимала здесь комнату. Толик, сидевший рядом с ней на кровати, постарался задвинуть ногой в угол бутылки, но они попадали и, гремя, выкатились на середину комнаты. Хозяйка молчала и смотрела на нас выжидающе. Я встал, взял шапку, куртку, пошел к двери. У меня болела голова и хотелось только спать.

– Ну а я-то что ж ... – Толик тоже поднялся и озадаченно посмотрел на Лену. – Что ж я-то?

– Иди, цыганчик, иди! – сказала она, улыбаясь. – Потом еще придешь...

Мы вышли. Хозяйка посмотрела нам вслед и захлопнула дверь.

На улице было темно, снег скрипел у нас под ногами так громко, что где-то поблизости залаяла собака. Толик брел впереди, засунув руки в карманы телогрейки и покачиваясь. Я никак не мог сообразить, где находится мой дом, – знал, что где-то рядом, но отыскать в темноте не мог.

Толик остановился.

– Запутался, – сказал я, подходя к нему.

– Вот твоя калитка, – и хлопнул по калитке рукой. Потом слегка замялся. – Слушай, Жень... Меня хозяйка так поздно не пустит, я ее знаю...

– Ну так пошли ко мне.

Свет в доме был потушен, выключателя я не нашел, и мы долго тыкались в темных сенях во все углы, пока не нащупали дверь. Я открыл ее, шагнул – и загремел вниз по крутой лестнице. Какая-то туша шевельнулась в темноте и тяжело захрипела, во влажном воздухе стоял запах помойки.

– Тьфу ты!.. – выругался сзади Толик. – Не туда. Это поросенок.

Мы вернулись в сени, отыскивали другую дверь и, потихоньку пройдя через кухню, где пыхтела за печкой во сне тетя Настя, вошли в мою комнату.

– Ну чего, ты сюда ложись. – Я кивнул на кровать.

– Да брось ты... – Толик снял сапоги и полез под покрывало. – Залазь, места всем хватит...

Он повернулся к стене и почти сразу захрапел.

– Вставай, молодой человек, пора уж!..

Я открыл глаза. Было уже светло, и я испугался: проспал!

В приоткрытую дверь заглядывала тетя Настя.

– А-а-ай! – ужаснулась она вдруг. – Девка! Мать честная – девка!

Я ошалело посмотрел по сторонам, но девки нигде не увидел.

– Ох, караул! – Тетя Настя нацелилась в мою сторону пальцем. – Привел – таки девку, кобелище! А я смотрю: штой-то мне рожа твоя плутовская не нравится? А он девку привел!..

– Какую девку?

– А вона! Вона девка-то лежит! – торжественно произнесла тетя Настя, указывая пальцем на Толика. Он во сне натянул покрывало на голову, и оттуда выбивались его черные спутанные волосы.

– Какая ж это девка... – Я толкнул Толика в плечо. – Эй, покажись.

Он высунул заспанное лицо.

– О-о-ой! – зашлась хозяйка, к моему недоумению, еще сильнее. – И-их, батюшки! Вон он кого привел – лохматого этого – ах ты, бес! Ну караул! А говорила я тебе – не води! А он привел!..

Она потопталась на месте, не находя слов, потом метнулась в кухню и захлопнула дверь.

– Сматываемся, – сказал Толик, выбираясь из-под покрывала.

Мы поскорее надели сапоги и выскочили на улицу.

– И не приходи сюда больше! – кричала в кухне тетя Настя. – Не хочу я такого постояльца!.. Ох, караул какой! Лохматого привел, ах ты!.. А я ему говорила!

Что-то не любят они жокеев, подумал я, вспомнив, как мы уходили от Лены. Расхлопались...

– Откуда это она тебя знает? – Я догнал Толика и пошел рядом с ним, застегивая на ходу куртку и морщась: болела голова.

– А тут ведь не Москва, ответил Толик, тоже морщась. – Тут все всё знают. И про тебя тут все уже знают. И она все теперь на все село раструбит... Ну ничего. Если она тебя выгонит, комнату где-нибудь подберем...

– У нее до тебя жил один из наших ребят, тоже жокеем работал, – добавил он чуть погодя. – Мы у него собирались иногда – ну, она и помнит.

– А что он уехал-то? – спросил я, ежась от оставшегося с ночи морозца. – Не понравилось?

– Куда ему уезжать... Сидит, два года дали. За драку.

Мы умылись в каптерке водой из титана. Стало полегче.

– А-а... пришли.

В жокейской сидел здоровенный парень.

– Замок ты сломал, Толян? – спросил он басом. – Хоть бы петлю на место вбил, а то растащат все.

Он подошел ко мне и сунул руку:

– Владимир.

Это был Кабан.

– Ну как детеныш-то твой? Шевелится? – спросил Толик.

– В порядке детеныш, чего там... А вы почему так поздно? Проспали?

– Проспали... – ответил Толик.

– Ну... – Кабан оценивающе посмотрел на меня. – Заездку пора начинать. Начкон торопит. Скоро, говорит, покупатели будут.

4

Жеребец, взвизгнув, высоко подпрыгнул, ударил в воздухе задом, скакнул вперед, поднялся на свечку, снова прыгнул... Я держался в седле, то теряя равновесие и почти падая, то каким-то чудом садясь опять прочно. Все вокруг мелькало и крутилось, моталась перед глазами рыжая грива, иногда попадал в поле зрения Кабан, державший пристегнутую к уздечке корду. Жеребец попался чересчур нервный: никак не мог успокоиться. Я уже два раза летел кувырком на землю, стараясь не попасть ему под копыта, а затем садился снова.

Второй месяц мы каждый день до обеда занимались заездкой и ходили в синяках: приходилось падать. Садились в седло по очереди и под комментарии стоявших возле левады конюхов шмякались на утоптаный снег, спеша откатиться подальше от брыкающейся лошади. Шурку мы сажали на кобыл: они поспокойней жеребцов и не так отчаянно сопротивляются, но зато выносливее, и Шурка подолгу носился в леваде на кобыльих спинах, вцепившись обеими руками в гриву и выпучив глаза.

Почти все здесь считали его случайным человеком. От жокеев требовалась не готовность рискнуть – решительных людей тут и без нас хватало, – а умение бережно обойтись с конем в любой ситуации. Шурка же этого не умел. Даже не заездке он служил только грузом, к которому должна привыкнуть, молодая, почти дикая лошадь, а когда дело доходило до первоначальной, самой примитивной выездки, тут Шурка пересаживался снова на незаезженных. Это был момент, когда лошадь легко могла приобрести самые скверные привычки, от которых не отучишь и за год.

Мы старались работать аккуратнее, но получалось это далеко не всегда: нас было слишком мало на такое количество лошадей и на план по их продаже. Приходилось спешить. Как и на любом заводе, здесь был свой брак, но брак особенно обидный – речь ведь шла о живых лошадях.

Жеребец отчаянно скакнул, потом еще... Его как-то странно повело в сторону. Я изогнулся, стараясь усидеть, но он вяло повалился на бок, болтнув в воздухе ногами. Я успел соскочить; подбежал Кабан, стал дергать гриву и уздечку, стараясь поднять голову жеребца.

– Бей! – заорал он басом.

Из-за ограды кинули прут, я ударил несколько раз по мокрой от пота рыжей шерсти – как его еще поднимешь? – но жеребец не шевелился. На его боку оставались темные полосы от ударов.

– Ах ты... – сказал Кабан, отпуская гриву.

Он оглянулся, ища, на кого бы крикнуть, но виноватых не было.

Жеребец не дышал.

Конфуз, подумал я. Надо было, наверно, дать ему отдохнуть. А может, это ничего бы и не изменило: не все лошади переносят заездку.

Подошел Толик, мы переглянулись.

– Бывает, – сказал он, потолкав ногой рыжий труп. – Он же чокнутый... Был. У нас в Казахстане один такой, когда кончался, еще и парня под себя подмял, еле вытащили.

Шурка снял и унес в конюшню седло.

В тот день мы больше никого не заезжали.

Я шел по липовой аллее. Было время обеда, но на душе было так противно, что есть я не мог.

Если бы хоть не я на нем сидел. А то теперь пойдут разговоры... Мастер, да еще из Москвы.

Я свернул к двухэтажному дому, стоявшему недалеко от конторы. В нем находилась квартира Толмача. Черт с ними, подумал я. Мое дело – Рефлекс.

Дверь Толмача никогда не запирали, и я, постучавшись, вошел в темный коридор, откуда таранился на меня круглыми глазами пушистый кот. Послышались шаркающие шаги и в коридоре показался Толмач.

Он, конечно, обрадовался: гости бывали у него редко, а поговорить старик любил.

– Пойдем в кухню, Женечка, – сказал он, суется и сутуляется. – В комнате у меня не прибрано.

Я улыбнулся: вся обстановка комнаты состояла из кровати и двух чемоданов, а подметал Толмач каждый день. А вот поди ж ты – не прибрано.

Ведро в кухне было доверху наполнено пустыми консервными банками, в цветочном горшке на столе лежала обертка от печенья; стол был грубый, выкрашенный в синий цвет. На плите кипел чайник. А на подоконнике сидел кот, всем своим видом доказывающий, что это уютное жилье.

Толмач, похрапывая, налил в алюминиевую кружку чай и достал из стола пачку печенья.

– Хочешь фотографии посмотреть, Женечка?

Шаркая и опираясь о стену, он принес из комнаты большой потрепанный конверт.

– Вот это я на Интеграле... – говорил Толмач, передавая мне снимки. – Это в Риге, на Парусе, был у меня такой конь... Это снова на Интеграле, в Москве прыгаю, на ипподроме...

Толмач передавал мне фотографии, я смотрел их и думал: какая же сила носит старика по клубам и конзаводам? Ведь он пенсионер, а как-то ухитряется оформляться... И, конечно, не годится он для этой работы. Какой он старший тренер? Сегодня была заездка, пал жеребец, а он и в конюшне не показывался, ничего не знает... И спортсмены его не уважают, каждый день на стенах вон пишут, что Толмач – дурак... А им бы как раз не стоило это писать. Уж кому, а спортсменам с Толмачем не плохо: заботится он о них.

Я вспомнил свои выезды с Толмачем на соревнования. Там часто бывали заминки с фуражом, талонами на питание, гостиницей, манежем для тренировок. Все тренеры беспомощно разводили руками, а Толмач, сказав нам: «Ничего, все образуется, ребятки», – шел к кому следовало и неразборчиво бубнил, прося все – таки постараться и сделать, и бубнил до тех пор, пока обалдевшая администрация не соглашалась на все, лишь бы только он ушел.

А на стенах все-таки пишут, подумал я.

– Это Павлик, – говорил Толмач. – Павлик Алексеев, узнаешь?

Я увидел Пашку, верхом, в рединготе и каске. Рядом стоял Толмач.

– Так вы его давно знаете? – удивился я: на фотографии Пашка был совсем молодой, лет шестнадцать.

Толмач грустно покивал.

– Павлик ведь начинал у меня, да... Шесть лет я с ним работал.

Это было неожиданностью для меня. Среди бывших Толмачевых учеников были многие известные теперь спортсмены и тренеры, но все они работали у него по году – два, не больше, да и я тренировался у него совсем не долго, но чтобы шесть лет... Так вот почему Пашка тут оказался, подумал я. Старая любовь... Сложно сейчас Толмачу.

– Так как вы с Тополем решили, Алексей Петрович? – спросил я, допивая чай, уже немного остывший.

Толмач сложил фотографии в конверт, помолчал, потом неохотно ответил:

– Не знаю, Женечка... Не знаю, кому тут его отдать можно. Пока пусть Миша Рябов на нем сидит, у него руки мягкие. И парню польза, опыта наберется на таком коне. Но выступать на Тополе, конечно, ему рано. Тут и говорить не о чем. – Толмач помолчал. – Может быть, Павлик станет посерьезней...

– Да я не про Мишу. Если Толику его отдать?

– Нет, – решительно сказал Толмач. – Этот конь ему не по силам. – Потом подумал и добавил: – А Павлик ведь очень неплохим спортсменом может быть, я его хорошо знаю. Он ведь, Женечка, первенство «Урожая» два раза выигрывал по юношам... Но никакой культуры в человеке. Он, как ушел от меня, стал на ипподроме работать, с рысаками... Играл там в тотализаторе, потом попался: придержал рысака. Это у них фальшпейс называется, знаешь, Женечка? Ну вот... – Толмач засмеялся, закашлялся, покачал головой. – Павлик ведь мелкой сошкой там был, его и выгнали. Он обратно в спорт, а его не очень-то и ждут. Вот как бывает... – Он взглянул на часы. – Э-э, надо спешить, половина третьего.

– А может, я Тополя в Киев продам. У меня там хорошие знакомые есть, – продолжал Толмач на улице. – Жалко, если конь тут пропадет. Правда, Женечка?..

Я иногда подумывал, не стоит ли попросить Тополя себе, – но это было, конечно, ни к чему: к трем часам почти не оставалось сил еще и на Тополя, да и не было здесь заведено такого – готовить для себя сразу двух лошадей одного возраста. Кроме того, и Толик бы на меня обиделся.

На стене каптерки белела надпись «Толмач – дурак». Пока Толмач, косясь на нее, определял между школьниками лошадей, я пошел седлать Рефлекса.

Я готовил его самостоятельно. Толмач с самого начала решил не вмешиваться, предупредил только несколько раз: «Мягче, Женечка, мягче, ты же знаешь, как надо», – и все. Я часто уезжал один, за территорию конзавода, в степь, рысил по проселку, сворачивал и шаггал по сугробам, приучая Рефлекса идти в любое с его точки зрения опасное место. Но конь и не был трусливым. Вообще-то я всегда предпочитал лошадей, которые поначалу боятся препятствия: с ними хоть и больше возни, но зато потом они прыгают очень аккуратно, словно боясь прикоснуться к жерди. Рефлекс же, хотя шел всегда на прыжок смело, никогда не небрежничал, прыгая мощно и с запасом.

Он удивительно подходил мне по всем признакам – по темпераменту, росту, даже по тому, что раньше на нем сидел жокей, в чем-то, наверно со мной схожий: я почти не чувствовал «чужой руки». От этих всех мелочей многое зависит; мне ничто не мешало, я уже готовил его всерьез, и каждый день с нетерпением ждал трех часов, когда у конюшни показывалась оступающаяся согнутая фигура Толмача и можно было идти седлать спортивных лошадей.

В этот раз было напрыгивание. Я приглядывался к Толику, пытаюсь понять, почему Толмач так невысоко его ценит. И решил, что, возможно, отчасти Толмач прав. Такие вещи трудно объяснить, но чего-то в Толике не хватало, – наверно, того почерка, по которому всегда виден спортсмен. Впрочем, меня это мало касалось. Пусть это Толмач для себя решает, кто из нас хуже, а кто лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.